

От Беловежских соглашений до Евразийского экономического союза: опыт тридцатилетия

Кротов М. И.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
mi-krotov@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются экономические, политические и идеологические причины саморазрушения СССР, итогом которого стало подписание 8 декабря 1991 г. Беловежских соглашений. Анализируется роль Содружества Независимых Государств в процессах региональной экономической интеграции, осуществляемой в 90-х гг. XX в., в условиях цивилизованного развода постсоветских республик. Показано, что государства — участники Евразийского экономического союза и Организации Договора о коллективной безопасности в полной мере выполняют обязательства, принятые в рамках Беловежских соглашений при выходе из СССР. Выявлена объективная обусловленность участия стран СНГ в антироссийских, псевдоевропейских проектах политикой разновекторности. Исследованы новые экономические приоритеты евразийской интеграции, институциональные проблемы и перспективы Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: распад СССР, Беловежские соглашения, Содружество Независимых Государств, Евразийский экономический союз, политика разновекторности, Организация Договора о коллективной безопасности, Союзное государство, новые экономические приоритеты ЕАЭС

Для цитирования: Кротов М. И. От Беловежских соглашений до Евразийского экономического союза: опыт тридцатилетия // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 3. С. 22–34.

From the Belovezhskiye Agreements to the Eurasian Economic Union: 30 Years of Experience

Mikhail I. Krotov

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; mi-krotov@yandex.ru

ABSTRACT

The article examines the reasons for the collapse of the USSR and the signing of the Belovezhskiye Agreements. The thirty-year experience of Eurasian integration in the post-Soviet space is summarized. There is an analysis of role of the Commonwealth of Independent States in the processes of regional economic integration carried out in the last decade of 20th century, in the context of the separation of the post-Soviet republics. It is shown that the members which are states of the Eurasian Economic Union and the Collective Security Treaty Organization fully fulfill the obligations assumed within the framework of the Belovezhskaya Agreements upon secession from the USSR. The article reveals the objective conditionality of the participation of the CIS countries in anti-Russian, pseudo-European projects by a policy of different directions. New economic priorities of Eurasian integration, institutional problems and prospects of the Eurasian Economic Union are investigated.

Keywords: USSR disintegration, Belovezhskiye Agreements, Commonwealth of Independent States, Eurasian Economic Union, multi-directional policy, the Collective Security Treaty Organization, the Union State, new economic priorities of the EAEU

For citing: Mikhail I. Krotov. From the Belovezhskiye Agreements to the Eurasian Economic Union: 30 Years of Experience // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 22–34.

Беловежские соглашения — итог процесса саморазрушения Советского государства

8 декабря 2021 г. исполняется 30 лет с момента распада СССР. О причинах этой геополитической катастрофы до сих пор идет дискуссия. Одни политики и эксперты доказывают неизбежность распада Советского Союза, связывая это с господствующей в нем коммунистической идеологией и государственной монополией в экономике. Другие считают, что никаких объективных причин для этого не было, объясняя крушение великой державы исключительно субъективными факторами. На наш взгляд, распад СССР произошел вследствие целой системы грубых экономических, политических и идеологических ошибок руководства страны, которые ни в коем случае нельзя повторять как в управлении современной России, так и других стран СНГ.

Распад СССР происходил на фоне экономической и политической катастрофы: пустых полок в магазинах, забастовок, недовольства населения и армии, межнациональных конфликтов, беспомощности президента и правительства Союза. Каким образом это произошло?

В конце 70-х гг. XX в. руководство СССР, исходя из идеологического постулата ведущей роли рабочего класса, начало форсировать повышение заработной платы рабочих вне связи с ростом производительности труда. В результате был грубо нарушен социалистический принцип распределения по труду: заработная плата рабочих существенно обогнала заработную плату инженерно-технических и научных кадров, а также других работников сложного труда. Это, во-первых, формировало отсутствие необходимых моральных и экономических стимулов к развитию научно-технического прогресса, подрывало авторитет управленческих кадров всех уровней, порождало иждивенческие настроения у простых работников и разрушало социальное единство в обществе. В период перестройки определенную популярность получили взгляды С. Андреева, который довел идею гегемонии пролетариата до абсурда и доказывал, что в СССР господствует класс управленцев-эксплуататоров, к которым относил и все инженерно-технические кадры [2].

Во-вторых, необоснованный рост заработной платы нарушил баланс спроса и предложения в стране. К 1987 г. денежная масса на руках у населения в два раза превысила ее товарное покрытие. Предложения о плановом двукратном повышении цен не получили поддержку Политбюро ЦК КПСС, члены которого считали, что в этом случае «рабочий класс нас не поймет». (Четыре года спустя при правительстве Е. Гайдара цены в Российской Федерации выросли в сотни раз, и это не привело к социальному взрыву.) Идеологически неприемлемым было и покрытие значительной части спроса путем введения платы за уравнилельно-распределяемое строящееся жилье и продажи земельных участков. Решено было наполнить полки магазинов импортными товарами за счет форсированного экспорта энергоресурсов и других видов сырья на Запад. Однако в условиях неблагоприятной мировой конъюнктуры это привело к существенному падению цен на сырьевые ресурсы, и разрыв между денежным спросом и товарным предложением в СССР продолжал критически возрастать. Свою лепту в удар по бюджету и товарному покрытию спроса внесла и антиалкогольная кампания. Выведенная из оборота алкогольная продукция не компенсировалась предложением других товаров и существенно снизила доходную часть государственного бюджета.

В итоге руководство страны во главе с М. С. Горбачевым стало набирать кредиты на Западе в целях приобретения на них потребительских товаров. США и контролируемые ими международные финансовые институты охотно предоставляли такие кредиты, однако связывали их с выгодными для Запада экономическими, политическими и идеологическими реформами. В экономике, в том числе за счет западных кредитов, под флагом конверсии закрывались самые высокотехнологичные оборонные производства. В политике из-за внешней финансовой зависимости СССР руководство страны не реагировало на выход прибалтийских республик в 1989 г. из советского правового поля, а в 1990 г. — на отделение Армении, Грузии и Молдовы. Развал вооруженных сил проявился в неподготовленном и необоснованном выводе наиболее боеспособных войск из Восточной Европы (600 тыс. чел). Правительство Коля готово было выделить 300 млрд марок за вывод советских войск из Германии, однако советские власти по непонятным причинам запросили лишь 14 млрд марок, которых не хватило даже на покрытие транспортных расходов. Сотни тысяч военнослужащих оказались в чистом поле, а затем без работы. Ликвидация

Варшавского договора и Совета Экономической Взаимопомощи привела к ликвидации основанного на переводном рубле общего рынка стран Центральной Европы и СССР.

Окончательно добило советскую экономику разрешение переводить безналичные деньги в наличные. Дело в том, что на предприятиях за ряд лет накапливались безналичные средства на покупку станков, машин, оборудования, проведения реконструкции и нового строительства. Эти деньги строго расходовались в безналичной форме при условии получения в Госплане и Госснабе СССР соответствующих фондов на приобретение средств производства. И когда Правительство Союза разрешило тратить эти многомиллиардные суммы не по их назначению, предприятия стали создавать аффилированные с ними малые предприятия, кооперативы и НТТМ, куда по договорам переводились заводские средства амортизационного фонда и фонда накопления. Результат — полный экономический коллапс, многократное превышение спроса над товарным покрытием.

В то же время перевод миллионов и миллиардов рублей в частные фирмы обеспечил первоначальное накопление капитала. Разбогатевшие хозяева малых предприятий, кооперативов и НТТМ затем в начале 90-х гг. скупали приватизационные ваучеры рабочих, став хозяевами обесцененных госпредприятий, используя при этом и административный ресурс.

Параллельно с деструктивными экономическими процессами в последние годы СССР в его информационном пространстве силами самого государства проводилась антигосударственная пропаганда: информационная политика критики господствующей коммунистической идеологии и истории страны превратилась в критику самого государства СССР. В республиках это дополнялось пропагандой региональными государственными СМИ преимуществ отделения от России, что неизбежно вело к конфликтам с автономиями (Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Крым). Поэтому в сфере идеологии главный вклад в развал Союза создала государственная пропаганда как на союзном, так и республиканском уровнях. Создание благоприятных условий для деятельности иностранных агентов — НПО, НКО, фонда Сороса, воспитание через западные гранты у советской элиты западных ценностей — дополняло идеологические предпосылки развала СССР, но играло вторичную роль.

Тем не менее в условиях глубочайшего экономического, политического и идеологического кризисов народы СССР (в том числе Украины) 17 марта 1991 г. на общесоюзном референдуме проголосовали за сохранение Союза. Однако союзное и республиканские руководства того периода проигнорировали волю народа и больше занимались борьбой между собой за власть. Фактическую точку в развале СССР поставили сторонники его сохранения, организовавшие 19–21 августа 1991 г. ГКЧП, руководители которого использовали советские войска против президента и парламента России. Действия ГКЧП окончательно подорвали авторитет союзного руководства и исключили возможность отстранения от всех постов М. Горбачева законным путем в сентябре на Съезде народных депутатов и в октябре на намеченном Съезде КПСС. Провал ГКЧП во многом побудил Верховную Раду Украины 24 августа 1991 г. проголосовать за отделение от СССР, а 5 сентября 1991 г. «самораспуститься» (по предложению М. Горбачева) высший орган власти — Съезд народных депутатов СССР. В итоге сам президент и Правительство СССР потеряли какую-либо легитимность в отличие от республиканских властей. Созданный М. Горбачевым 5 сентября неконституционный временный орган управления СССР — Государственный Совет — был недееспособен и дискредитировал себя, признав 6 сентября по настоянию Запада и в нарушение советского законодательства независимость трех прибалтийских республик. Таким образом, за четыре месяца до Беловежских соглашений сложилась практика доминирования на распадающемся советском пространстве США, которые превратились в арбитра конфликта между союзным центром и республиками.

В этих условиях возникла не только новая политическая, но и экономическая ситуация: государственные предприятия оказались бесхозными. Предприятия союзного значения составляли 51% от предприятий страны, предприятия республиканского значения — 47%, местная промышленность — 2% от всех предприятий. Объявление независимости союзной республики означало одновременно национализацию предприятий всех уровней на территории этой республики, что позволяло в дальнейшем региональным элитам самостоятельно приватизировать общесоюзные предприятия и, не оглядываясь на центр, республиканские предприятия.

Проявилась главная ошибка перестройки: проведение политических реформ без предварительного проведения соответствующих экономических реформ. Опыт КНР и Вьетнама показал эффективность проведения радикальных рыночных экономических реформ при сохранении старой политической системы, в которой господствует сильная государственная власть. Неудачный советский опыт подтвердил этот вывод, показав, что без сильного государства невозможен успешный переход от плана к рынку, в том числе эффективная приватизация госпредприятий, предполагающая сохранение государственного контроля над стратегическими производствами.

Если бы все же в СССР была проведена эффективная приватизация и основные предприятия имели частных хозяев, в том числе состоявших в партнерстве с государством, экономический интерес к распаду СССР был бы существенно меньше. Объявление союзной республики независимой непосредственно не влияло бы на структуру собственников предприятий. Более того, эти собственники, скорее всего, были бы заинтересованы в сохранении СССР как единого государства с большим общим рынком. Получение независимости Индии не изменило структуру собственников ведущих финансово-промышленных групп страны. Советы директоров этих групп, как правило, проходят в Лондоне, то есть глубокая финансово-промышленная кооперация разделенных географически британской и индийской экономик сохранилась. Тем более такой вывод был бы справедлив к частным предприятиям различных постсоветских республик как звеньям единого народно-хозяйственного комплекса. Однако возможность создания заинтересованности региональных элит в сохранении СССР через эффективную и своевременную приватизацию союзных и республиканских предприятий была упущена.

Региональная интеграция в условиях цивилизованного развода государств — участников СНГ

К моменту подписания Беловежских соглашений сложилась следующая политическая ситуация. О полной независимости в 1990 г. объявили шесть республик. Верховный Совет Российской Федерации, реагируя на их действия и двойные стандарты союзного центра, принял 12 июня 1990 г. Декларацию о государственном суверенитете, где провозглашалось верховенство российских законов над союзными. Еще две республики находились между собой в состоянии военного конфликта, в Таджикистане шла гражданская война. Наконец, 1 декабря 1991 г. население Украины проголосовало за независимость. Поэтому, негативно оценивая Беловежские соглашения, необходимо признать, что они отражали фактическое положение дел. Принципиальный правовой порок этих соглашений, как справедливо отмечал первый мэр Санкт-Петербурга профессор А. Собчак, заключался в том, что аннулирование Союзного Договора не сопровождалось обязанностью выходящих из СССР стран вернуться к границам, в которых они вошли в Союз [6]. В результате были нарушены законные права России на территории, входившие в ее состав на момент подписания Договора 1922 г.

В то же время широко распространенное *фокусирование историков и экспертов на критике Беловежских соглашений уводит общественное мнение и научные оценки в сторону от критики невыполнения этих соглашений*. Между тем они были ратифицированы, не денонсированы и имеют до сих пор юридическую силу.

Согласно Беловежским соглашениям, ликвидация СССР и получение независимости Белоруссии, России и Украины, а затем и остальных советских республик (Алма-Атинская декларация от 21 декабря 1991 г.) были непосредственно увязаны с созданием Содружества Независимых Государств как межгосударственного объединения, образующего общее социально-экономическое пространство, общее военно-стратегическое пространство под объединенным командованием, проводящего скоординированную внешнюю политику и защищающего этнические, культурные, языковые и т. п. права национальных меньшинств.

Создание СНГ предполагало принятие Устава Содружества. В ходе подготовки такого Устава, идя навстречу позициям ряда государств, прежде всего в надежде на то, что Украина подпишет Устав СНГ, разработчики ослабляли в нем интеграционное единство. В основополагающем документе СНГ был

существенно снижен уровень интеграции, ограничены ее сферы и исключены наднациональные функции органов Содружества. Однако даже такой ослабленный вариант Устава СНГ Украина не подписала. То есть она грубо нарушила условия своего выхода из СССР. Поэтому никак нельзя согласиться с утверждением бывшего премьер-министра Швеции К. Бильдта и других западных политиков, считающих, что вывод Президента России В. В. Путина о том, что «Украина не совсем законно получила независимость», противоречит Беловежским соглашениям [4]. Наоборот, как видим, этот вывод прямо вытекает из Беловежских соглашений.

В итоге Устав СНГ был подписан 22 января 1993 г. семью государствами и без учредителя Содружества — Украины. В дальнейшем его подписали еще три государства, но не Украина. Следует согласиться с З. Бжезинским, считающим: «Именно действия Украины... помешали СНГ стать просто новым наименованием более федерального СССР» [3, с. 116]. При этом последняя, не будучи юридически членом СНГ, была фактически представлена в руководящих органах СНГ. Такой противоречивый подход к интеграционному процессу отражал непонимание диалектики двусторонних и многосторонних отношений на постсоветском пространстве. Участие или неучастие наших соседей в интеграционных проектах, где ведущую роль играет Российская Федерация, — яркий показатель их действительного отношения к нашей державе. В 90-е гг. Украина на словах заявляла о приоритете двусторонних отношений с Россией, противопоставляя их Беловежским обязательствам по участию в многостороннем формате — СНГ. Россия, к сожалению, мирилась с этим, предоставляя нечлену СНГ ряд преимуществ Содружества (зону свободной торговли, безвизовый режим и т. д.).

Почему основным трендом социально-экономического развития постсоветских республик в 90-е гг. была дезинтеграция, а не интеграция в рамках Содружества?

Дело в том, что главной задачей России, как и других государств СНГ, в 90-е гг. XX в. было создание независимого государства со всеми атрибутами суверенитета: признанными границами, пограничным и таможенным контролем, национальной валютой, вооруженными силами, принятием конституции и свода национальных законов. Все это создавало административные, экономические и правовые барьеры между постсоветскими республиками.

Одновременно бывшие республики СССР форсировали проведение радикальных рыночных реформ, зачастую методами «шоковой терапии». Приватизация создавала условия для частных инвестиций, которые в период первоначального накопления национального капитала могли быть только иностранными. Иностранные инвесторы переформатировали сложившуюся в СССР систему разделения труда и кооперации между предприятиями в интересах транснациональных корпораций (в результате, разрывались связи между находящимися рядом российским Магнитогорским металлургическим комбинатом и казахстанским Соколово-Сарбайским железнорудным месторождением). Очевидно, что это были дезинтеграционные в своей основе процессы, поэтому в 90-е гг. Содружество Независимых Государств вынуждено было выполнять функцию организации по обеспечению цивилизованного развода бывших республик СССР.

В 90-е годы произошло сращивание вновь возникшего национального капитала с ввозимым в страны СНГ иностранным капиталом. Национальные элиты, стремясь защитить свои доходы от экономической и политической нестабильности, а также уйти от национального налогообложения, начали вывозить свои личные капиталы на Запад, где стали жить и учиться их дети и куда в перспективе эти элиты планировали переехать на постоянное жительство. Во всех странах СНГ возник мощный слой влиятельных политиков и бизнесменов, личные интересы которых стали совпадать с интересами западных стран и существенно отличаться от национальных интересов государств Содружества. Западно-ангажированную группу политиков и бизнесменов дополнил еще более широкий слой интеллигенции, прошедшей обучение на Западе и живущей на иностранные гранты. В итоге в 90-е гг. во всех странах СНГ сформировалась влиятельная группа граждан, незаинтересованных в евразийской интеграции.

Во всех процессах трансформации советских социалистических республик активно участвовали «помощники»: ведущие западные государства и контролируемые ими международные финансовые институты (Международный валютный фонд, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития).

За десять лет реализации экономической политики, навязанной извне, ВВП стран СНГ к началу XXI в. по сравнению с ВВП СССР уменьшился на 40%, а доля СНГ в мировом ВВП за этот период по сравнению с долей СССР снизилась с 10% до 3% [1, с. 51], что являлось самым худшим экономическим показателем в мире. В условиях саморазрушения экономик страны СНГ вынуждены были занимать на Западе огромные кредитные ресурсы и попали в сильную экономическую и политическую зависимость от него. Доминирование США и их союзников привело к системе частичного внешнего управления государствами СНГ, необходимости согласовывать экономическую, политическую и культурно-идеологическую деятельность с МВФ, Всемирным банком, ЕБРР и контролирующими их США и ЕС. Западные «партнеры» негативно относились к любым формам постсоветской интеграции и активно выступали против многостороннего экономического, политического, оборонного и культурного сотрудничества стран СНГ, которые они принципиально называли только ННГ (новые независимые государства).

В то же время неправильно переоценивать вклад западных стран в достижение республиками СНГ независимости и проведение рыночных реформ. Главным донором построения экономического и политического суверенитета бывших республик СССР была Российская Федерация. Она предоставляла этим республикам, во-первых, режим свободной торговли на своем шестом по величине в мире и относительно малоконкурентном рынке товаров; во-вторых, надежное обеспечение относительно дешевыми энергоресурсами; в-третьих, свободный доступ на российский рынок труда миллионов граждан СНГ и поступление от них переводов значительных денежных средств; в-четвертых, огромные доходы от транзита российских ресурсов и товаров и загрузки портов. Кроме того, Российская Федерация обеспечивала безопасность в странах СНГ, способствуя разрешению возникших при распаде СССР конфликтов либо их замораживанию. Тем самым она, с одной стороны, создавала условия для цивилизованного развода стран СНГ, с другой стороны, способствовала формированию у других республик бывшего Советского Союза уверенности в том, что такие особые отношения с Российской Федерацией у них будут всегда, в том числе и в условиях геополитической разновекторности. Тем более что в 90-е гг. существовала большая зависимость нашей страны от западных стран СНГ при транзите энергоресурсов на европейский рынок.

Ведущая экономическая и политическая роль России создавала объективную основу для интеграционных процессов даже на фоне цивилизованного развода государств СНГ. Так, в рамках Содружества неоднократно предпринимались попытки глубокой экономической интеграции. Например, в 1994 г. большинством государств СНГ был подписан договор об Экономическом союзе, который предполагал создание таможенного и валютного союза. В этих целях в 1995 г. был создан Межгосударственный комитет Экономического союза, который обладал контрольными, координирующими и даже распорядительными функциями, добровольно делегируемыми государствами — участниками Экономического союза. Однако этот проект закончился неудачей.

В 1996 г. был подписан Договор между Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. Этот договор имел более успешную судьбу и является одним из истоков создания в 2001 г. Евразийского экономического сообщества, а затем в 2015 г. и Евразийского экономического союза. Другой предтечей ЕАЭС явилось Единое экономическое пространство Белоруссии, Казахстана, Российской Федерации и Украины, соглашение о котором было подписано в 2003 г. И хотя в ходе оранжевой революции на Украине (2004–2005 гг.) она, не денонсировав это соглашение, фактически вышла из него, нормативно-правовая база, наработанная в рамках Единого экономического пространства четверки, была в значительной степени использована Белоруссией, Казахстаном и Россией при создании Таможенного Союза (2009 г.), Единого экономического пространства (2012 г.) и Евразийского экономического союза.

В научной литературе и общественном мнении отсутствует общее понимание роли СНГ в постсоветской истории. Причем относительно негативную оценку Содружеству дают как сторонники глубокой социально-экономической интеграции, так и ее противники. Первые недовольны тем, что не оправдались завышенные ожидания того, что СНГ будет чем-то вроде конфедеративного СССР или хотя бы Европейского союза. Вторые, наоборот, видят в Содружестве базу для возможного возрождения евразийского лидера глобализации.

При оценке деятельности СНГ необходимо четко различать СНГ как международное интеграционное объединение и СНГ как совокупность стран, создавших это объединение. Негативные социально-экономические результаты постсоветских республик в 90-е, а у большинства стран СНГ и в последующие годы, не означают неэффективности, а тем более бесполезности Содружества как организации. СНГ смягчило кризисные явления на постсоветском пространстве, не допустило югославского варианта кровавого развода в рамках СССР. Так, именно на основе решений СНГ в 1993 г. была обеспечена защита афгано-таджикской границы вооруженными силами России, Казахстана, Киргизии и Узбекистана, оказавших военную поддержку Таджикистану. В дальнейшем это позволило при посредничестве России разрешить дипломатическими методами конфликт в этой стране.

В другом советском конфликте в Нагорном Карабахе прекращение огня с 6 мая 1994 г. в течение более четверти века было обеспечено на основе Бишкекского протокола, подписанного сторонами конфликта 5 и 8 мая 1994 г. под эгидой Межпарламентской Ассамблеи СНГ, примиренческую миссию которой высоко оценил Совет глав государств СНГ в своем Заявлении от 15 апреля 1994 г. И в других советских конфликтах успешную миротворческую миссию также выполняло Содружество при ключевой роли Российской Федерации.

Не соответствует действительности и распространенное мнение о том, что из-за отсутствия наднациональных органов решения Содружества не выполнялись и оно не оказывало существенного влияния на экономические и политические процессы, происходящие в бывших республиках СССР. Управленческая функция Содружества реализовывалась через подписание международных соглашений и принятие решений Советами глав государств и глав правительств. В рамках СНГ было подписано более 30 договоров, которые после ратификации становились частью национального законодательства. Это такие важные соглашения, как соглашения о Зоне свободной торговли 1994 г. (в 2011 г. модернизировано в виде Договора о зоне свободной торговли), о безвизовом режиме 1992 г. и другие. Более 300 соглашений СНГ вступали в силу без ратификации после выполнения внутригосударственных процедур. Наконец, порядка 3 тыс. решений, подписанных президентами или председателями правительств, юридически приравнивались к национальным распоряжениям этих руководителей.

При этом в большинстве договоров, принимаемых в рамках Содружества, не было стопроцентного участия государств или ратификации этих договоров всеми участниками. Так, Грузия подписала и, выйдя из СНГ, до сих пор участвует только в 74 соглашениях из более трехсот. Однако важно, что ведущие страны Содружества — Россия, Белоруссия, Казахстан и до оранжевой революции Украина — выполняли свои обязательства в рамках СНГ.

Межпарламентская Ассамблея СНГ через принятие нескольких сотен модельных (типовых) законов обеспечила, во-первых, согласованный переход от советского законодательства к законодательству, адекватному правовому государству и рыночной экономике. Например, на базе модельного гражданского кодекса МПА СНГ были приняты национальные гражданские кодексы в 10 странах СНГ, что позволило на 80% унифицировать гражданско-правовые нормы в этих странах. Во-вторых, модельные акты МПА СНГ легли в основу национальных законов, регулирующих развитие информационного общества, новой индустриализации и модернизации. Так, например, принятый в 2001 г. модельный закон об электронной цифровой подписи был полностью продублирован в соответствующих законах Российской Федерации и других стран СНГ. И сегодня этот модельный акт лежит в основе развития современной интернет-экономики и цифровизации всех сфер общественной жизни стран СНГ. Поэтому благодаря работе Межпарламентской Ассамблеи СНГ сформировалось и развивается общее правовое пространство.

Вместе с тем уровень интеграции в рамках Содружества Независимых Государств далек от обязательств, взятых на себя его участниками в Беловежских соглашениях. Более того, среди членов СНГ есть государства, осуществляющие недружественные действия в отношении партнеров. В достаточной мере беловежские обязательства выполняют только участники Евразийского экономического союза и Договора о коллективной безопасности, которые поэтому вправе предъявить юридически обоснованные претензии за невыполнение обязательств, взятых при выходе из СССР.

От разновекторности к антироссийским интеграционным проектам

Все интеграционные проекты, предусматривающие ведущую роль России, торпедировались США и их союзниками. И наоборот, Запад поддерживал любые интеграционные инициативы стран СНГ, исключая участие России. В 1997 г. в Страсбурге на полях Совета Европы было создано ГУАМ (объединение за демократию и экономическое развитие), в которое вошли Азербайджан, Грузия, Молдова, Украина и в качестве наблюдателей Турция и Латвия. В отличие от СНГ это созданное Западом объединение, где ведущую роль играет Украина, получило всевозможную поддержку США и Европейского союза. ГУАМ позиционировался как проевропейская геополитическая интеграция, противостоящая евразийско-ориентированной на Россию части СНГ. В дальнейшем антироссийский геополитический курс воплотился в 2009 г. в проект Восточное партнерство (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдова и Украина) и проекты ассоциаций с Европейским союзом Грузии, Молдовы и Украины.

Серьезные барьеры для евразийской интеграции создало и вступление поодиночке во Всемирную торговую организацию Киргизии, Грузии, Молдовы, Армении и Украины. Другой возможный вариант: вступление в ВТО стран СНГ всех вместе, включая Россию, не был реализован. Разные условия вступления в ВТО подорвали зону свободной торговли в рамках Содружества. В ответ на неприемлемо низкие таможенные пошлины соседей Россия вынуждена была в начале XXI в. ввести ограничения на ввоз ряда товаров из стран СНГ и стала проводить политику прагматизма, разноуровневой и разноскоростной интеграции на постсоветском пространстве. Тем более что транзитная зависимость по поставкам нефти была полностью ликвидирована с запуском Приморского порта, а по поставкам газа — в значительной степени после ввода в строй «Северного-1» и «Турецкого» потоков, а также налаживания экспорта сжиженного газа. При этом политика прагматизма начала осуществляться даже в рамках Евразийского экономического союза, где после вступления в 2015 г. в ВТО Республики Казахстан из режима свободной торговли была выведена тысяча наименований товаров, поступающих из этой республики на евразийский рынок.

Антироссийские интеграционные проекты на постсоветском пространстве являются по своему существу псевдоевропейскими, антиевропейскими. Они направлены на раскол Европы, на то, чтобы сделать невозможным реализацию идеи де Голля о создании общего европейского пространства от Лиссабона до Урала (Владивостока). Бенефициаром этих проектов являются США, которые намерены разделять ЕС и ЕАЭС, чтобы властвовать, сохранить свое доминирование в мире. США будут противником общеевропейской, а тем более общеевразийской интеграции даже в том случае, если современная Россия как и в 90-е гг. признает доминирующую роль Америки. Об этом откровенно пишут в своих работах Г. Киссинджер [5, с. 741] и З. Бжезинский [3, с. 114–116, 234–236].

На базе антироссийской экономической интеграции происходит представляющая прямую угрозу безопасности России военная интеграция ряда стран СНГ с НАТО. Так, Украина зафиксировала вступление в НАТО в качестве своей конституционной цели. К сожалению, у истоков военной интеграции стран СНГ с НАТО лежит и ошибочная внешняя политика в 90-х гг. России, которая первая из стран СНГ приняла участие в программе НАТО «Партнерство во имя мира».

Приходится констатировать, что в течение 30 лет по ряду причин происходило ослабление интеграционно-притягательной роли России. Во-первых, деиндустриализация бывших советских республик существенно ослабила заинтересованность в промышленной кооперации, а тем самым и в выходе на российский рынок. Этому способствуют и навязанные западными кураторами антироссийские санкции, например, запрет на поставки украинских двигателей оборонного назначения. Во-вторых, девальвация рубля по отношению к доллару резко снизила количество украинских и молдавских трудовых мигрантов в России, миллионы граждан этих стран теперь работают в Польше, Италии и других странах Европейского союза (доля денежных переводов гастарбайтеров из России в общем объеме этих переводов в Молдавию уменьшилась к 2020 г. с 80% до 15%). В-третьих, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан диверсифицировали поставки своих нефтегазовых ресурсов и существенно уменьшили транзитную зависимость от России. В свою очередь, потребители российских энергоресурсов получают их теперь

по мировым ценам, то есть в принципе могут приобретать у других поставщиков. В-четвертых, страны СНГ накопили огромные финансовые долги как перед западными странами, так и перед КНР. Поэтому в современных условиях они вынуждены выполнять геополитические установки кредиторов. Наконец, в-пятых, самое главное, за 30 лет выросло новое поколение, которое не жило в СССР и не имеет достаточной позитивной информации об опыте своей страны в советский период. При этом противостоящий евразийской интеграции сложившийся в 90-е гг. прозападный элитный и культурный слой существенно укрепился и расширился.

Цивилизованный развод с Россией и друг с другом стран СНГ не означает невозможности обратного процесса: евразийской интеграции при ведущей роли Российской Федерации. Страны СНГ, как и другие страны мира, не могут интегрироваться в мировую экономику в одиночку, вне вступления в региональные межгосударственные объединения. Только при этом условии они будут конкурентоспособны, иметь возможность новой индустриализации и модернизации экономики, коллективной защиты от новых вызовов и угроз их национальной безопасности.

На наш взгляд, главную роль в будущем евразийской интеграции сыграют как результаты прозападного, антироссийского опыта ассоциаций стран СНГ с Европейским союзом, так и результаты участия постсоветских государств в Евразийском экономическом союзе.

Семилетний «европейский» опыт Украины, Молдавии, Грузии показал, что они, во-первых, потеряли значительную долю евразийского рынка и не компенсировали эту потерю рынком Европейского союза. В 2020 г. главным торговым партнером Украины вместо России, которая, несмотря на санкции, заняла 3-е место, стала КНР, существенно обгоняющая Германию. Причем надо учитывать и упущенную выгоду. В Евразийском союзе товарооборот России и Белоруссии составляет 35–45 млрд долл. Следовательно, товарооборот России с евразийской Украиной был бы 140–200 млрд долл. Во-вторых, в этих странах ускорился процесс деиндустриализации: они разорвали кооперационные связи с Россией и в то же время не смогли перейти на европейские технические регламенты и стандарты, сохранив барьеры для высокотехнологичного сотрудничества с Европейским союзом. Финансовая помощь Запада обеспечивает лишь выживание этих стран, а не развитие. В-третьих, деиндустриализация заставила миллионы трудоспособного населения выехать на заработки в Европейский союз и Российскую Федерацию с намерением остаться жить и работать за границей. В-четвертых, участники ассоциации с ЕС при попустительстве его политических структур грубо нарушили заложенные в Беловежских соглашениях и национальных конституциях обязательства по соблюдению этнических, культурных, языковых и других прав национальных меньшинств, что привело к обострению межнациональных и межрегиональных конфликтов. В-пятых, официальное доминирование США и Европейского союза не сопровождается получением хотя бы в перспективе конкретных обещаний (сроков) возможности вступления этих стран в ЕС и НАТО. В целом в этих трех государствах, также как и в СССР в 90-е гг., идут процессы саморазрушения, которые смягчаются благодаря поддержке западных стран. Однако опыт Афганистана показал, что такая поддержка может носить только временный характер.

Несмотря на проводимую антироссийскую политику на Украине, в Грузии, Молдове, во всех этих странах получают развитие преследуемые властью политические движения за евразийскую интеграцию. При этом Молдова даже получила статус наблюдателя в Евразийском экономическом союзе, что вызвало серьезное недовольство на Западе, который оказал прямое политическое давление на положение в этой стране.

Успех евразийской экономической интеграции будет главным стимулом для евразийского выбора неопределившихся стран и возможного геополитического разворота прозападных стран СНГ. При этом этот успех должен быть воплощен как в более высоких темпах экономического роста, так и в высоком уровне доходов населения. Очевидно, что если бы заработная плата украинских и молдавских гастарбайтеров в России была выше, чем в Польше и Италии, то она дала бы мощный стимул для возврата в Россию украинских трудовых мигрантов, заинтересованности последних и членов их семей в восстановлении российско-украинских и развитии российско-молдавских отношений.

Евразийский экономический союз — приоритет региональной экономической интеграции

За прошедшие 6 лет существования ЕАЭС существенно уменьшилось количество барьеров для формирования общего рынка товаров, услуг, капиталов и труда. Можно констатировать, что общий рынок труда сформирован. В обеспечении равенства прав граждан Евразийского союза последнюю точку поставило Соглашение 2020 г. о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС. При этом трудности функционирования общего рынка труда в связи с пандемией преодолеваются за счет действия специального мобильного приложения.

Развитию общего рынка товаров способствует Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, соответствующий самым передовым таможенным технологиям (электронное декларирование) и нацеленный не столько на решение фискальных задач, сколько на содействие развитию бизнеса. Важно, что уже 75% евразийских товаров производятся по техническим регламентам ЕАЭС. Страны союза подошли вплотную к формированию общего рынка в энергетической сфере. (В России ратифицирован соответствующий протокол об изменении в договоре ЕАЭС, касающийся формирования общего электроэнергетического рынка.)

ЕАЭС подходит к самому сложному вопросу: формированию общего нефтегазового рынка, где сохраняются противоречия экспортеров и импортеров этих ресурсов. Благодаря налоговому маневру в 2021 г. в федеральный бюджет за счет поступлений от НДСПИ дополнительно поступит более 300 млрд руб. Это ведет к повышению цен на сырую нефть, и, чтобы стабилизировать цены на нефтепродукты, нефтеперерабатывающие предприятия России получают существенные дотации (в 2019 г. дотации составили 100 млрд руб. при повышении величины НДСПИ всего лишь на 50 млрд руб.). В результате они оказываются в лучших условиях, чем белорусские нефтеперерабатывающие предприятия.

В известной степени такая ситуация противоречит смыслу ЕАЭС — обеспечить равные условия для субъектов хозяйствования стран-участниц. Однако этот принцип должен работать на всех рынках: и товаров, и капиталов ЕАЭС. Если мы планируем предоставить белорусскому бизнесу возможность свободно приобретать нефтегазовые месторождения и добывать на них сырье для своих предприятий, то и промышленные предприятия России должны иметь возможность продавать без посредников газ конечным потребителям и покупать предприятия в Белоруссии. Однако пока политэкономическая природа рынка и крупных предприятий в наших странах разная. И тот же Газпром в Белоруссии не может напрямую продавать газ потребителям, а КамАЗ не сможет купить МАЗ, создав совместное предприятие с контрольным пакетом. Хотя такое объединение было бы очевидно взаимовыгодно и более конкурентоспособно на мировом рынке.

Представляется, что разрешению этих противоречий должна способствовать реализация дорожных карт по формированию экономической интеграции Белоруссии и России в рамках Союзного Государства. Это прямо вытекает из белорусско-российских обязательств, взятых еще при подписании Союзного договора в 1999 г. В этом случае Союзное Государство действительно станет локомотивом евразийской интеграции.

ЕАЭС развивается в рамках процесса мировой глобализации и должен учитывать новые экономические приоритеты, сформировавшиеся после подписания Договора о ЕАЭС в 2014 г. Во-первых, необходимо ускорить формирование общего цифрового пространства ЕАЭС. С задержками, но в 2021 г. будет обеспечена цифровизация маркировки товаров легкой, табачной промышленности, отдельных видов лекарств, автомобильных шин, а также начнется маркировка молочной продукции. Этот процесс вызывает напряжение у производителей, поскольку исключает продажу контрафакта, доля которого иногда достигает до 60–70%. Всеобщая цифровизация делает товары ЕАЭС конкурентоспособными на внешних рынках и позволяет обеспечить необходимый контроль (прослеживаемость) соблюдения евразийских обязательств во всех сферах интеграции внутри Союза.

Второй приоритет — это разработка евразийской программы импортозамещения, которая должна дать ответ на санкционное ограничение внешних капиталовложений и доступа к современным технологиям. В России в этих целях начали наконец бороться с офшорами и выводом за рубеж капиталов,

использовать средства национального благосостояния и предоставлять целевые льготные кредиты. Существенно, на 40%, была снижена ключевая ставка ЦБ, однако выход на китайский уровень (4,5%) пока не дал необходимого эффекта, поскольку пропорционально не уменьшилась маржа коммерческих банков. Очевидно, нужен закон, ограничивающий эту маржу двумя-тремя процентами.

Третий приоритет — сопряжение евразийской интеграции с проектом «Один пояс — один путь» и Транспортным Союзом Индии, Ирана и России. Здесь также важно оцифровать все автомобильные коридоры; внедрить электронные навигационные пломбы для трансграничных, в том числе санкционных грузов; модернизировать автодорогу «Западная Европа — Западный Китай». Для коридора «Север — Юг», где иранские порты готовы принимать индийские грузы, важно реализовать Заявление о разблокировке транспортных коридоров в Закавказье, чему сегодня способствует миротворческая деятельность России.

Наконец, четвертый приоритет, реализация которого представляет самую трудную и масштабную задачу, — это переход Евразии к экономике «Углеродной нейтральности». Два года назад, когда США вышли из соглашения по климату и планировали модернизировать действующую индустрию, эта задача не была такой актуальной. Сегодня, когда США так же, как и ЕС, заняли позицию радикального перехода к зеленой индустрии, а КНР приняла программу достижения «углеродной нейтральности» к 2060 году, Евразийскому союзу и России ничего не остается, кроме как полностью включиться в этот процесс. В противном случае мы окажемся в изоляции и будем платить запретительные пошлины в экспортно-импортной сфере.

Поэтому надо активно договариваться о том, кто кому должен платить за выбросы углекислого газа в атмосферу. Россия, ее леса — главный поглотитель вредных выбросов, и это надо учитывать во взаиморасчетах с зарубежными партнерами и во внутренней политике. Очевидно, надо во всех странах ЕАЭС увеличивать финансирование МЧС и Росприроднадзора. Ликвидация пожаров, защита лесов, контроль над выбросами в атмосферу — важный фактор достижения «углеродной нейтральности». В то же время необходимо форсировать развитие электротранспорта, переходить к водородной энергии. Тем более что водород, получаемый от конверсии метана, в четыре раза дешевле, чем водород, получаемый на базе ветровой энергии. В проекте Концепции развития водородной энергетики до 2024 г., разработанном Минэнерго РФ, предполагается, что к 2050 г. Россия будет зарабатывать от экспорта водорода от 23,6 млрд долл. до 100,2 млрд долл. США.

Институциональные проблемы и перспективы евразийского строительства

Тридцатилетний опыт постсоветской интеграции показывает, что политика Российской Федерации должна быть прагматичной и дифференцированной. Мы должны обеспечивать приоритет союзникам по ОДКБ и Евразийскому экономическому союзу, положительно реагировать на получение статусов наблюдателя или партнера в этих интеграционных проектах другими странами. В этом ряду отметим придание статуса наблюдателя в ЕАЭС Кубе, Молдове, Узбекистану и соглашения ЕАЭС о зоне свободной торговли с Вьетнамом, Ираном, Сербией.

С другой стороны, нельзя повторять ошибку взаимоотношений с Украиной, закрывая глаза на участие членов Евразийского союза в антиевразийских проектах. Между тем Армения и Белоруссия участвуют в Восточном партнерстве, которое предполагает в конечном итоге создание таможенного союза этих стран с ЕС. Представляется, что, подписав договор о ЕАЭС, Армения и Белоруссия должны были бы денонсировать соглашение о Восточном партнерстве. Белоруссия в ответ на санкции в 2021 г. пока лишь приостановила свое участие в этом проекте.

В этом же году вступило в силу соглашение «о всеобъемлющем расширенном партнерстве Армении с ЕС». Это соглашение было подписано в 2017 г. еще старыми властями Армении без консультаций с Евразийской экономической комиссией, поскольку заявлялось, что данное соглашение не противоречит Договору о ЕАЭС. Однако знакомство с текстом этого соглашения говорит о том, что таможенно-тарифные отношения, технические барьеры Армении с ЕС определяются без какого-либо участия

евразийских органов, что, безусловно, противоречит Договору о ЕАЭС. Поэтому в интересах Армении и Евразийского экономического союза решить эту проблему.

Недостатком Евразийского союза является его узко экономическая направленность и отсутствие парламентского измерения. Европейский союз в отличие от ЕАЭС охватывает все сферы общественной жизни, кроме оборонной сферы, что существенно повышает эффективность органов ЕС, которые образуют систему разделения властей: Европейский Совет, Европейская комиссия, Европейский Парламент и Европейский Суд. В ЕАЭС структура органов управления включает: Высший экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Евразийскую экономическую комиссию, Суд Евразийского союза. Отсутствие евразийской парламентской структуры затрудняет работу по унификации и гармонизации национального законодательства, приведения его в соответствие с евразийским правом. Без парламентского института, утверждающего общий бюджет ЕАЭС, невозможно делегирование евразийскому центру финансово-налоговых, таможенных полномочий, как это имеет место в Европейском союзе.

По мере развития евразийской интеграции необходимо расширять полномочия Евразийской экономической комиссии. Наконец, эффективность ЕАЭС сдерживает абстрагирование его деятельности от гуманитарной сферы и вопросов безопасности. Поэтому важно в перспективе расширять сферу деятельности ЕАЭС и активнее развивать взаимодействие ЕАЭС с другими интеграционными объединениями на постсоветском пространстве: ОДКБ, СНГ и Союзным Государством, которые в разной степени охватывают сферы безопасности, политики и культуры.

Особенно важно тесное взаимодействие с ОДКБ как в сферах оборонной промышленности, так и в сферах экономической безопасности. Например, сейчас и в ЕАЭС, и в ОДКБ разрабатывается система обеспечения цифровой безопасности. Очевидно, у ОДКБ и ЕАЭС должна быть одна такая единая система. Да и связь на уровне исполнительных органов организаций должна быть усилена. В отличие от генсека НАТО и председателя Европейской комиссии нет практики совместных заявлений председателя Евразийской экономической комиссии и генсека ОДКБ. Тем не менее интеграционное сотрудничество в противодействии инфекционным заболеваниям, особенно пандемии Covid-19, в равной мере затрагивает и ОДКБ, и ЕАЭС. Добавим и новые вызовы и угрозы, возникшие в связи с бегством США и НАТО из Афганистана, которые не только непосредственно затрагивают коллективные интересы государств — членов ОДКБ в сфере военно-политической безопасности, но и прямо влияют на экономическую интеграцию стран Евразийского экономического союза в Центральной Азии.

ЕАЭС важно развивать взаимодействие и с СНГ, которое единственное сегодня обеспечивает интеграцию в сфере культуры и включает евразийские, неопределившиеся и антиевразийски ориентированные страны. Поэтому оно может быть площадкой для сотрудничества всех стран СНГ.

Успешное развитие Евразийского экономического союза во взаимосвязи с ОДКБ, Союзным Государством и СНГ обеспечит поступательный экономический рост стран — членов ЕАЭС, что создаст предпосылки для восстановления глубоких экономических, политических и культурных связей между государствами, входившими в состав СССР.

Литература

1. 20 лет Содружеству Независимых Государств. Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2011.
2. Андреев С. Структура власти и задачи общества // Нева. № 1, 1989.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска / пер. с англ. О. Уральской. М. : АСТ, 2021. 256 с.
4. Бильдта удивили слова Путина о «не совсем законной» независимости Украины [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unian.net/politics/895902-bildta-udivili-slova-putina-o-ne-sovsem-zakonnoy-nezavisimosti-ukrainyi.html> (дата обращения: 15.08.2021).
5. Киссинджер Г. Дипломатия / пер. с англ. В. В. Львова, послесл. Г. А. Арбатова. М., Ладомир, 1997. 848 с.
6. Путин В. Об историческом единстве русских и украинцев [Электронный ресурс]. 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 15.08.2021).

Об авторе:

Кротов Михаил Иосифович, доктор экономических наук, профессор СПбГУ (Санкт-Петербург, Российская Федерация); mi-krotov@yandex.ru

References

1. 20 years of the Commonwealth of Independent States. Interstate Statistical Committee of the CIS. M., 2011. (In rus)
2. Andreev S. The structure of power and the tasks of society // Neva. No. 1, 1989. (In rus)
3. Bzhezinskii Z. The Great Chessboard / transl. from English O. Uralskaya. M. : AST, 2021. 256 p. (In rus)
4. Bildt was surprised by the words of Putin about the "not entirely legal" independence of Ukraine [Electronic resource]. URL: <https://www.unian.net/politics/895902-bildta-udivili-slova-putina-o-ne-sovsem-zakonnoy-nezavisimosti-ukrainyi.html> (date of access: 15.08.2021). (In rus)
5. Kissindzher G. Diplomacy / trans. from English V. V. Lvov, after. G. A. Arbatova. M., Ladomir, 1997. 848 p. (In rus)
6. Putin V. On the historical unity of Russians and Ukrainians [Electronic resource]. 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (date of access: 15.08.2021). (In rus)

About the author:

Michael I. Krotov, Doctor of Science (Economics), Professor of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); mi-krotov@yandex.ru